

В прошлом он слышал бесчисленное множество подобных вещей. Таких вещей слишком много. Жертвы омег слишком жалки. Это еще более жалкое зрелище, чем тот, которого Цинь Цзюнь изнасиловал/насиловал, его голова была отрезана ножом, на коже были выгравированы оскорбительные слова, такие как "бродяга"...

Некоторые даже умирали после пыток, их бросали на произвол судьбы, топили на дне озера или даже выбрасывали на дорогу как мусор.

В это время в школе им скажут, что за пределами школы опасно и не стоит покидать школу, а в семье скажут, что за пределами дома опасно и не стоит покидать дом.

Поэтому жизненное пространство омег становится все меньше и меньше, и они сжимаются, как перепелки, в круге, нарисованном для них обществом.

Тан Бай послушно стоял в круге. Если не произойдет никаких несчастных случаев, он останется в этом круге до старости. Родиться в круге, размножаться в круге и умереть в круге.

Это омега...

Жизнь свиньи.

Да, меня воспитывали с рождения, и я рос в соответствии со строгими требованиями общества. Каждый день я умею только есть, пить и играть. У меня нет никаких идеалов. Когда я вырасту, я продам свое тело альфе, а затем внесу свою лепту в рождаемость общества.

Каждого омегу поощряют иметь больше детей. Родить десять детей - значит стать матерью-героиней. Чем больше рожает, тем больше славы. С момента женитьбы большинство омег продолжают беременеть и рожать детей.

У матери Тан Бая было слабое здоровье и проблемы с маткой. На рождение Тан Бая она уже потратила половину своей жизни, и еще одна беременность могла убить ее. Поэтому омега, родившая Тан Бая, больше не была беременна. Отец Тан уже сделал перевязку своей жене, но мать Тан всегда чувствовала себя виноватой. Она винит себя в том, что не родила альфу для семьи Тан, поэтому она хочет, чтобы Тан Бай родила альфу по фамилии Тан.

Его мать говорит, что лучшая жизнь для омеги - это выйти замуж за хорошего альфу и иметь много детей.

Его отец говорит, что омега должен научиться читать альфу и различать, кто из них хороший альфа, чтобы не быть несправедливым к другим.

Его дедушка говорит, что для того, чтобы быть добродетельным и щедрым омегой, нужно проявлять сыновнюю почтительность к своим родителям, любить своих детей и быть

внимательным к своему мужу.

Бесчисленное количество людей говорят Тан Баю, как быть хорошим омегой, говоря Тан Баю, что только сделав это, он сможет быть счастливым.

Изначально... Тан Бай должен был молчать так до конца своей жизни, поскольку это общество всегда было таким, и омеги всегда были такими.

Но почему, почему в этот момент в его сознании возник Се Рухэн из романа?

Черноволосый и темноглазый омега выпрыгнул из доспехов. Его доспехи были полны пороха и крови. Его лицо было бледным, но глаза удивительно яркими.

Он вернулся окровавленный и снова принес победу Федерации, но он узнал, что брат одного из его солдат, его брат-омега, был изнасилован дворянами.

Омега не хотел ничего говорить, не хотел никому рассказывать. Он просто хотел тихо умереть. Омега плакал и умолял его не делать из этого большого дела. Он сказал, что дворянин был могущественным и не получит существенного наказания. Он был оскверненным человеком, недостойным пачкать будущее маршала.

Поэтому Се Рухэн спокойно вышел, его лицо было все еще бледным, ладони слегка дрожали, когда его измученное тело держало меч.

Держа меч, он подошел к дворянской команде, которая поздравила его, и подошел к дворянину, который изнасиловал/насиловал члена его семьи.

Яркий солнечный свет пробивался сквозь облака и собирался в бесчисленные лучи света, пробегая по этому грязному миру.

Се Рухэн поднял меч и с выражением пронзил грудную клетку дворянина. Острый клинок пронзил слой за слоем дорогие и роскошные одежды, пробил кожу с вином и мясом, пронзил сердце, окруженное ребрами...

Внезапно хлынула кровь, и в ярком солнечном свете появился ярко-красный кровавый туман, забрызгавший бледное лицо Се Рухэна.

Пересекая время и пространство, темные глаза феникса, казалось, молча смотрели на Тан Бая.

Есть вещи, в которые нельзя углубляться и о которых нельзя думать. Если он не будет ни на что смотреть, слушать или думать об этом. Тогда, возможно, он не обнаружит, что барьер всегда покрывает его, и стоит ему протянуть руку, и он сможет пробить иллюзию.

Глядя янтарными глазами на деда, который все еще читал проповедь, и на мать, которая беззаботно играла с цветами, Тан Бай вдруг немного запыхался. Морская вода, наполнявшая его желудок, словно горела, превращаясь из холодной воды в жгучую ярость. Он был словно окружен огнем, пылающим от боли.

Кажется, он наконец-то понял, почему Се Рухэн в книге так зол. Это гнев ненависти, неоспоримый гнев, гнев изменения мира...

В этом невежественном мире, полном предрассудков, всегда должен быть пионер, который встанет и будет единственным светом.

Но одного света недостаточно, только этот маленький свет не может осветить тьму этого мира.

С древних времен и до наших дней революция жизни должна была иметь кровавые жертвы. Так было, когда Федерация отделилась от власти Империи, так должно быть и в борьбе за равные права АО.

Недостаточно иметь одного мученика. Должен быть второй, третий... Нужно, чтобы больше людей жертвовали, жертвовали один за другим, сжигали жизнь, освещали тьму. Даже если каждый будет всего лишь банальным фейерверком, однажды одна-единственная искра зажжет пожар в прерии.

Столько лет, столько лет он жил в соответствии с взглядами других. Он притворялся глухонемым, он обманывал себя и других, его внешность была яркой и красивой, но только Тан Бай знал, что он - пустая оболочка, чтобы быть хорошим омегой в традиционном понимании, он отказался от того, что любил больше всего.

Он до сих пор помнит, как дед учил его в детстве, и когда он решал проблему, как вся семья думала о нем...

Он был гордым, восхищенным, довольным, похожим на сверкающий драгоценный камень.

Дедушка говорил хвастливым тоном, представляя его старым друзьям: "Мой внук, вундеркинд, следуй за мной".

Такой гордый и энергичный взгляд, но потом, когда в возрасте шести лет он отличился, он больше никогда не видел этого выражения на лице деда.

В тот день дома разразилась ожесточенная ссора. Дедушка закрылся в доме и остался один на день и ночь. Когда он вышел, все изменилось.

Он больше не мог учиться механике у своего деда, не мог владеть игрушками меха, не мог купаться в этом гордом и довольном взгляде.

И все это только потому, что... он омега.

Он пытался убедить себя, подавить себя, говоря себе, что такая жизнь тоже была счастливой и беззаботной - есть, пить и веселиться. В будущем он женится на хорошем альфе и заведет кучу детей. Не нужно будет бороться и много работать. Это та жизнь, о которой мечтают многие люди...

Но та ли это жизнь, которую он хочет?

Жениться на том, который почти такой же, как Гу Тунань. Возможно, у этого альфы не будет отличных альфа-генов Гу Тунаня, и ему придется постоянно рожать детей.

Тан Бай мог загипнотизировать себя в прошлом, что все омеги такие, всегда так было, все такие.

Но...

Се Рухэн не такой.

Он жил так безрассудно, дико и ослепительно. Ослепительный свет был тем существованием, ради которого он проливал слезы.

Если бы этот свет не был таким ярким, он, возможно, не увидел бы собственной трусости. Он был как воспитанная канарейка, привыкшая к стабильной жизни в богатых одеждах и еде, не чувствующая дискомфорта от существующего положения вещей, но боящаяся рисковать.

Он всегда так отступает, трусливо, лицемерно и глупо. Если бы не появился Се Рухэн, он мог бы остаться в этой хрупкой клетке до конца своих дней.

Но появился Се Рухэн.

Се Рухэн - самая большая переменная в его жизни, как звезда, брошенная в застойную воду, рябь круг за кругом, круг за кругом, сверкающие звезды, освещающие глубокие мутные воды.

Подобно тому, как Се Рухэн должен был вырваться из болезненного объятия, люди должны были вырваться из бездумного невежества. Это и будет настоящей жизнью.

Се Рухэн, пронзивший мечом своего врага насквозь, снова возник в сознании Тан Бая. Его лицо было красным от крови, настолько красным, что напоминало неугасимый огонь. В тени меча темные глаза феникса молча смотрели на него...

Если в этом обществе есть барьер, блокирующий все, то пронзи его мечом.

Если ты знаешь, что не хочешь, если ты знаешь, что в будущем пожалеешь об этом, если все уже слишком поздно, почему бы не попробовать?

Если каждый живет в книге и имеет свою собственную сюжетную линию, то почему мы должны следовать ожиданиям других, чтобы следовать сюжету? Очевидно, это моя жизнь. Все радости и горести, взлеты и падения могут быть написаны мной самим - если только я готов заплатить за это.

Если я готов отдать за это все, тогда я... Почему бы мне просто не быть самим собой?

Тан Бай поднял голову, ему показалось, что он слышит звук разгорающегося пламени в своем сердце. Слабые ростки цветов горели в бесконечной морской воде, горели, горели, горели, в любой момент могли погаснуть, обжигая его всего. От боли у него разболелся нос. Ему приходилось использовать все свои силы, чтобы защитить маленькое пламя от погасания. По этой причине он был вынужден терпеть боль от того, что его лижет пламя.

"Дедушка, мама, если бы меня изнасиловал Цинь Цзюнь, вы бы дали мне пощечину?"

Мать Тан: "Он смеет!!!"

Дедушка Тан нахмурился: "Почему я должен тебя бить?".

"Почему бы тебе не побить меня? Я не защитил свою девственность. Если я останусь дома до конца своих дней, вы будете довольны?"

Мать Тан заметила вроде бы мягкий, но агрессивный дух между строк слов Тан Бая, она подсознательно посмотрела на дедушку Тана и увидела, как выражение лица дедушки Тана слегка сжалось.

"Это неправильно. Даже если некоторые омеги в трущобах останутся дома, туда все равно ворвутся бандиты. Пока в их сердцах есть зло, где бы ты ни был, тебе некуда будет бежать".

Тан Бай прошептал: "Дедушка, мама, вы говорите, что омеги должны защищать себя, но почему все должны заставлять омег защищать себя?"

"Неужели у этих альф нет родителей? Неужели никто не сказал им, чтобы они не нарушали права омег?"

"Физические качества омег и альф отличаются друг от друга. Нам трудно сопротивляться и убегать, когда мы сталкиваемся с насилием. Приемы самообороны? Большинство приемов

самообороны бесполезны перед лицом абсолютного подавления силы. Перцовый баллончик? Нужно время, чтобы достать такую вещь из сумки, и мы не сможем в спешке прицелиться в лицо обидчику".

Тан Бай снял с пояса портативный энергетический пистолет: "Только такое оружие может нанести урон альфе".

"Но у обычных омег вообще нет доступа к такому оружию, не так ли?"

Он спокойно положил пистолет на стол. Это был пистолет, усыпанный бриллиантами. Он был настолько великолепен, что это было просто смешно. Дедушка Тан вздохнул и потрясенно уставился на Тан Бая, глаза которого были залиты слезами.

В сердце Тан Бая явно бушевал огромный океан, но из его глаз текли только две строчки прозрачных слез.

"То, с чем они могут соприкоснуться, это теория целомудрия, которая является вторичной травмой от этого общества. Их родители будут винить их за слабые способности к самозащите, но они никогда не задумывались о том, должны ли они учить своих детей-омег, что делать в такой ситуации. Их мужья будут только показывать пальцем на своих жен, но не посмеют осудить их грешный род!" Тан Бай внезапно повысил голос, его лицо покраснелось, глаза покраснели, а взгляд уставился на деда и мать.

Никто не ответил.

В гостиной стояла тишина, только мягкий голос Тан Бая вдруг стих: "Все в порядке, я сделаю это".

На глазах у дедушки Тана Тан Бай прошел в комнату для исследования оружия, предназначенную для дедушки Тана. Он встал у двери и протянул руку, чтобы коснуться кодового замка. Когда он собирался ввести код, его тонкая рука замешкалась в воздухе, как будто он боялся.

Некоторое время дрожащие пальцы Тан Бая медленно вводили строку цифр, которую он помнил с детства.

Затем.....

дверь открылась.

<http://bllate.org/book/15734/1408463>